

Группа участников областного совещания передовиков сельского хозяйства от Обоянского района. На снимке (слева направо): К. Адакина—секретарь райкома ВЛКСМ, А. Я. Конев—трактористка Обоянской МТС, Т. С. Шеваров—председатель колхоза им. Осеннихим, Н. И. Козлов—председатель исполкома райсовета, У. И. Нефедова—животновод колхоза «Большевик», М. П. Александрова—звеньевая колхоза «Путь Ленина», Ф. А. Мальцев—секретарь райкома ВКП(б), Т. Д. Русанова—председатель колхоза им. Кирова, Анатолий Бордунов—пахарь колхоза им. Ворошилова, Э. А. Горлов—председатель колхоза им. 1-го Мая.

Фото В. Строева.

У МЕНЯ В СЕМЬЕ ВДВОЙНЕ ПРАЗДНИК...

Спасибо за новую хату Иосифу Виссарионовичу Сталину

Родной наш отец!

Не утерпела написать Вам. Два года сидели мы в заточении, муки страшные пережили, а нынче на нашей улице первый после изгнания немцев—свободный Октябрьский праздник. А у меня в семье он вдвойне радостный.

Я колхозница артели «Красная ява» в селе Пушкарном, Белгородского района, Курской области. Муж мой Илья Андреевич, бывший бригадир и председатель колхоза, на фронте с первых дней войны. У меня двое малых ребят.

Ворвались осенью 1941 года в наше село немцы. Как сейчас вижу их: ввалились в хату, начали рыть по сундукам. Офицер сказал что-то солдатам по-ихнему, те выносят на подводу трудом нажитое добро, выводят из сараи корову. Забилась я в слезах, офицер приказывает уйти из хаты, грозит расстрелять. Босые

и голые убежали мы со двора и 8 дней в камышах прятались, а потом по людям ютились.

А перед тем, как притти нашим, мою да еще с десяти два хаты в колхозе немцы сжигали и разрушили. Не стало у меня угла своего. Где жить, что делать? Опустились у меня руки. Да разве одна я была в таком положении?

И как раз к этому времени пришло постановление партии и нашего правительства, которое Вы писали, рассказывали, где о нас, о пострадавших от немцев, сказано, где о хатах написано.

Гляжу, через несколько дней у моей хаты плотники работают. Колхоз их выделял. Лес привезли. По правде сказать, я не верилась—люди чужие, а мне дом строит. Вегу в нашему председателю, он говорит: Сталин приказал всем оставшимся без крова новые хаты поставить. И

вспомнила я тогда и Вас, и мужа своего, что сражается на фронте, и всю Красную Армию, что прошла через село наше. И заплакала от радости.

Сообщаю Вам, Иосиф Виссарионович, что недавно вселилась я в свою хату. А не будь бы нашей советской власти, не будь бы Красной Армии и не знаю, что бы я делала, как бы мне быть.

Работаю я теперь в колхозе, стараюсь отблагодарить Вас за заботу о семье моей честным трудом.

От всего сердца примите, товарищ Сталин, мою благодарность за хату. Спасибо, Иосиф Виссарионович! Каждую минуту думаю о Вас, здоровья желаю Вам и успеха в Ваших тяжелых трудах, в Ваших думах и заботах о своем народе.

Акулина ФРОЛОВА,
колхозница артели «Красная ява», Белгородского района.

Золотые руки

Издавна главный корпус завода кажется мертвым. Мрачно стоят серо-красные стены с пустыми глазами окон. Без крыши дом выглядит скелетом. Но впечатление меняется, когда попадаешь на территорию завода. Все здесь живет и дышит. В цехах, расположенных в нижних этажах, давно уже выпускают продукцию.

Развалив завод, немцы рассчитывали навсегда вывести его из строя. Но этого не случилось. На второй день изгнания немцев из города, на развалины пришли кадровые рабочие. Началось возрождение завода. И вот уже восемь месяцев кожвиники дают продукцию фронту, значительно перевыполняя планы. За 8 месяцев задание выполнено на 110 проц., а программа октября—на 108 проц.

— К 5 декабря, ко Дню Конституции, мы выполним годовую программу,—говорит директор завода тов. Гельфанд.

Это не преувеличено. Коллектив завода, его замечательные станочники работают с таким напряжением, какого не видал завод за всю свою историю. И это трудовое напряжение еще более накалялось после того, как коллектив узнал о докладе вождя. Слова товарища Сталина—«нам предстоит возродить разрушенные города и села, промышленность, транспорт, сельское хозяйство... Мы можем и должны решить эту задачу в короткий срок», каждому врезались в память. На митинге, недавно состоявшемся на заводе, рабочие в горячих ре-

чах как бы проиллюстрировали сталинские слова примерами из своей жизни, замечательной жизни, когда надо было одновременно восстанавливать завод и давать продукцию фронту.

— Много горя пришлось пережить мне, когда в городе были немцы,—говорит Ольга Филипповна Павлова.—Самым тяжелым был для меня час, когда немцы угнали на каторгу моего сына. Думала, через два года подрастет он, будет мне помощником, а вот нет его, родного... И согнуло бы меня горе в три погибели, да устояла... Вскоре Красная Армия пришла, а на второй день я явилась на свой завод. Строителем я никогда не была, но поне-много привыкла, а потом и бригадиром поставили. Моя бригада в 9 человек ежедневно стала перевыполнять задания на 200—250 проц. Мы много уже сделали: выстроили склад, три сушилки, утеплили весь нижний этаж, залили асфальтом перекрытия... И вот смотришь сейчас—работает завод, дает продукцию фронту. Радостно так на душе...

Вместе с Павловой показала свои золотые руки и Ольга Григорьевна Праведникова. Ей 54 года. Но что ей возраст, когда сердце жжет ненависть, когда душа в эти дни рвется к труду...

— Разве я могу сидеть сложа руки?—спрашивает Праведникова.—Нет не могу. У меня муж 23 года проработал на этом заводе, сейчас он в армии. Сыновья бьются на фронте, дочка у распроданного немца на каторге. Вот я стала на ме-

сто мужа и изю всех сил работаю. В октябре итоги вывели—200 процентов получилось... Да разве я одна такая!

И на самом деле: Павлова, Праведникова не одиноки в своем благородном стремлении вернуть былую славу заводу. Можно назвать десятки фамилий рабочих, которые день и ночь трудятся над полным возрождением цехов, чтобы уже в ближайшие месяцы умножить выпуск продукции в несколько раз. Вот Николай Родионович Астахов.

— Мне 62 года,—говорит он,—сыны на фронте. Дочь Валя утнана в черную Германию. Что остается делать мне, старику? Я точу детали, чтобы скорее вернуть к жизни дизель и генератор, они должны сегодня — завтра выйти из ремонта и 20 ноября завод получит свою электроэнергию. Пусть мой труд будет благодарностью товарищу Сталину за похвалу, которой он наделил рабочий класс. Я стар, но трудностей не признаю, работать буду на сколько хватит сил. Свой опыт передаю двум ученикам—сыновьям моих товарищей, ушедших на фронт. Пусть они растут такими же трудолюбивыми, какими были их отцы... Об этом я им всегда говорю.

Уходя с завода, мы думали о замечательных его людях, для которых завод—это родной дом, это совесть и честь, которую они—представители рабочего класса СССР держат в великой чистоте.

Л. САБЛИН.

Встали на ноги

ТЕПЕРЬ НАДО ВО ВТОРОЙ КЛАСС ШАГАТЬ!

Письмоносец вернулся из района. — Заказывай собрание, Михаил Никанорович, самвай народ,—потребовали присутствующие. Посильные ушли по бригадам. Через некоторое время в конторе правления стало тесно.

... Агитатор читал доклад товарища Сталина. Слушали, затаив дыхание, боясь проронить слово. Но вот люди воодушевлялись, перекидываются словами—агитатор читает то место в докладе, где товарищ Сталин говорит о высоком патриотизме колхозного крестьянства. Весело становится в комнате, раскатысто хохочут женщины, когда агитатор читает слова товарища Сталина о том, что не достанутся Германии и ее холоум пироги и пишки, что придется им теперь делить между собой сынки и пишки...

— Круто сказано, верно сказано,—замечает Андрей Васильевич Ларионов.

В этот вечер и ораторами были не только те, кто выступает обычно на колхозном собрании. Каждый хотел раскрыть свою душу, поговорить с товарищем Сталиным. Не утерпел, поднялся, поправив усы и бороду, солдат прошлой германской войны Тарас Осипов.

— Я так скажу, граждане, здорово меня слова товарища Сталина за сердце взяли. Вся жизнь у меня сейчас на глазах прошла. Взял я немца в прошлую войну, не устоял немец тогда против русского солдата. Плакал я, когда сыны наши от немца отступали, в сорок первом, но веры не терял, знал, что немец попервах прыткий, а расправится русский солдат—все равно немец не устоит. А теперь по всему видно, добьют наши ребята немца, и скоро добьют. Правильную стратегию взял товарищ Сталин—бить противника без передышки, бить его, сунуть сына, ошибке, чтобы и делу скорей конец. А что от нас требуется, мы скажем—будь уверен, товарищ Сталин, мы в долгу перед сынами своими не останемся.

На средину комнаты вышла Екатерина Калашникова, прославленный косарь и пахарь.

— Спасибо товарищу Сталину от нас, большое спасибо за благодарность. А мы теперь еще больше стараться будем. Муж у меня на фронте, да из каждого дома кто-нибудь на фронте, кто ж им поможет, как не мы? Отсюда у нас и сила выныче взялась. Раньше, до войны, всего больше в колхозе было, а мы, бабоньки, кой-когда с работой отставали. А нынче где надо 50 соток вспахать—60 косили, надо 20 соток вспахать—по 30 пахали, на себе закирдовали, помолотили, с государством по совести рассчитались. Даже и не ожидали этого. А нам господь бог подсобил,

или мы сами так справились. Товарищ Сталин великую силу нам дал, ясную дорогу нарисовал—всем миром немца добить. Да если бы мы, бабы, могли с Красной Армией в рядах идти, на самую передовую пошли б хоть сейчас. Спасибо Маршалу Сталину, мы с ним хоть куда пойдем.

Екатерину Калашникову сменяла бригадир Пелагея Шепалухина, которую колхоз посылал недавно на областное совещание передовиков сельского хозяйства.

— Не вышел у немцев номер. Они хотели летом опять к нам в Курск пожаловать, но никто из нас тогда не усомнился в Красной Армии. Немцы лезут на Курск, а мы под Курском день и ночь пашем, сеем, постройкой животноводческие возводим. А погнались немца, еще бойчее дело пошло—и убрали, и озимых посеяли больше, чем до войны, и зябь вспахали.

Мы видим теперь, что и весной можно посеять столько же, сколько сеяли до войны и урожай дать больший, довоенный.

То, что рассказала старая мать Анна Ивановна Сошникова, опять напомнило зверя-немца, от которого спасла ее Красная Армия.

— Обобрали, доводские полотно из сундуков вытащили. В моей же хате, из моего же добра немец посылки мастерил и отсылал в Германию. На работу, как скотов, гоняли, расстрелом грозили, били.

Сыны мои карают их, супостатов, теперь. Карайте, карайте, сынки! Больше им сынков да пишек! Михаил Никанорович Трофимов, председатель артели, говорил деловито, взвешивая каждое слово.

— Мы сделали свой колхоз передовым в районе. Никогда мы так не работали дружно, организованно. Управлялись и с уборкой, и с севом, и с зябью. Дали Красной Армии и хлеб и овощи. Надежно становимся на ноги. Теперь надо шагнуть во второй класс. В следующем году посевы до уровня довоенного довести, урожай зерновых центнеров до 15 с гектара поднять. Первые 55 телят мы на ферму поставили. В новом году и овец, и свиней, и птицу надо развести. Конюшню новую, коровник, птичник построи. Правильно тут сказала Пелагея Шепалухина,—если все использовать, то мы можем, товарищи, в следующем году за счет увеличения посевов и поднятия урожайности тысяч на 7—8 центнеров валовой сбор зерна увеличить по сравнению с нынешним. Так ответили колхозники товарищу Сталину.

И. ДОРОШЕНКО

Колхоз им. Сталина,
Стреленского района.

„Курская правда“, 3 стр.